

18+

ДЖОН ГЛАТТ

ГОЛОСА
ВОПРЕКИ

Спрятанные

ИСТОРИЯ 13 ДЕТЕЙ,
ВЫРОСШИХ В ПЛЕНУ
У РОДИТЕЛЕЙ

«Невозможно оторваться».

— Kirkus Review

Голоса вопреки. Реальные истории, которые потрясли мир

Джон Глатт

**Спрятанные. История 13 детей,
выросших в плену у родителей**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Глатт Д.

Спрятанные. История 13 детей, выросших в плену у родителей / Д. Глатт — «Эксмо», 2019 — (Голоса вопреки. Реальные истории, которые потрясли мир)

ISBN 978-5-04-252880-4

Две сестры в цепях. Тринадцать детей в плену. И родители, которых все считали нормальными... Одно из самых громких дел Америки о домашнем насилии. 14 января 2018 года семнадцатилетняя Джордан Тёрпин выбирается через окно дома в Перрисе, штат Калифорния, и звонит в 911. Дрожащим голосом она сообщает, что они с братьями и сестрами находятся в плену у родителей. В семье тринадцать детей, а две ее сестры прикованы цепями к кроватям. Когда диспетчер просит назвать адрес, девушка запинается: «Я никогда раньше не выходила наружу». Прибывшие полицейские были потрясены увиденным: истощенные дети в возрасте от двух до двадцати девяти лет, многие из которых выглядели гораздо младше своих лет, грязный дом, тяжелый запах и мир, десятилетиями скрытый от посторонних глаз. За дверями обычной многодетной семьи существовала реальность, в которой дети жили в изоляции, страхе и полном подчинении. Джон Глатт — один из самых известных авторов документального криминального жанра — шаг за шагом восстанавливает историю семьи Тёрпин: от прошлого родителей до событий той ночи, когда один телефонный звонок изменил все. Но это не только история преступления. Это история тринадцати детей, которые, несмотря на годы насилия и изоляции, нашли в себе силы выжить и начать новую жизнь. «Глатт без прикрас показывает, в каких условиях жили жертвы... Эта пугающая история насилия и секретов заставит читателей иначе взглянуть на своих соседей». — Publishers Weekly «Книга, от которой невозможно оторваться». — Kirkus Reviews

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-252880-4

© Глатт Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие психиатра	7
Пролог	10
Часть первая. Семена зла	13
Глава 1. Кинг Тёрпин	13
Глава 2. «Он просто ужасный»	16
Глава 3. Лучший ученик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Глатт

Спрятанные: история 13 детей, выросших в плену у родителей

John Glatt
THE FAMILY NEXT DOOR:
THE HEARTBREAKING IMPRISONMENT OF THE THIRTEEN TURPIN SIBLINGS
AND THEIR EXTRAORDINARY RESCUE

Copyright © 2019 by John Glatt

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Одри и Мэвису Хиришберг

Предисловие психиатра

В январе 2018 года семнадцатилетняя Джордан Тёрпин выбралась через окно дома в калифорнийском Перрисе и позвонила в 911 с отключенного мобильного. Разговор с диспетчером стал едва ли не первым в ее жизни разговором с посторонним человеком. Так мир узнал о семье, которую соседи считали замкнутой, но в целом обычной: тринадцать детей от двух до двадцати девяти лет, годы голода, грязи и наказаний; некоторых приковывали цепями к кроватям. Джон Глатт восстанавливает хронику дела по документам и свидетельствам. Задача этой статьи – объяснить, что происходило с психикой детей и почему привычные вопросы к этой истории сформулированы неверно.

Внимание привлекают самые наглядные детали: побои, цепи, лишение еды. Но психику разрушает не только физическое насилие – разрушает сама организация повседневной жизни. Ребенок не рождается со знанием о том, как должна быть устроена семья: он принимает окружающую реальность за норму. Если родители полностью контролируют еду, сон, передвижение и любые контакты с внешним миром, подчинение перестает быть выбором – это единственный известный способ существования.

Психологи выделяют два измерения неблагоприятного детского опыта: угрозу и депривацию. Угроза – это насилие и необходимость постоянно следить за признаками опасности; депривация – отсутствие того, что нужно для развития: общения, обучения, заботы. В семье Тёрпин было и то и другое сразу, и все это в полной изоляции, которая работала как усилитель. Изоляция лишает ребенка не только потенциальных спасителей – она не дает понять, что происходящее ненормально. Чтобы распознать насилие, нужно иметь с чем сравнивать: чужие дома, школу, сверстников, врачей. У детей Тёрпин такого опыта почти не было.

Вопрос «почему они не ушли?» чаще всего задают о старших: семеро из тринадцати были совершеннолетними. Но их взрослость существовала только в свидетельстве о рождении. Самостоятельность складывается из тысячи скучных умений – купить билет, снять деньги, заполнить бумагу, спросить дорогу у незнакомого человека, – и старшие Тёрпины не делали почти ничего из этого никогда. Для побега мало открытой двери: нужно увидеть в ней выход – представить другую жизнь, пересилить страх наказания, всемогущество родителей в собственной голове и вину перед теми, кто останется. Покорность, со стороны похожая на пассивность, здесь – стратегия выживания: не спорить, не привлекать внимания, угадывать настроение взрослых до того, как прозвучит требование.

У того, что годами происходило в этом доме, есть клиническое имя – *комплексное посттравматическое стрессовое расстройство*, КПТСР. Диагноз сравнительно молодой: ВОЗ внесла его в действующую классификацию болезней именно потому, что последствия многолетнего абюза и/или плена – семейного, военного, сектантского – не умещались в рамки обычного ПТСР. При классическом ПТСР человек непроизвольно возвращается к травматическим событиям, избегает напоминаний о них и продолжает ощущать угрозу, когда опасность давно миновала. КПТСР добавляет к этому нарушения эмоциональной регуляции, негативное отношение к себе, пропитанное стыдом и виной, и серьезные трудности в близких отношениях.

Разумеется, диагноз ставят на очном обследовании, а не по судебным материалам. Но про сами условия никакой осторожности не нужно: в доме Тёрпинов сошлось все, из чего комплексная травма обычно и вырастает. Насилие началось рано, продолжалось годами и исходило от людей, от которых дети полностью зависели; рядом не было ни одного безопасного взрослого, а выхода практически не существовало.

Одно из последствий – постоянная настороженность. Психика, которая годами определяла по шагам, лицу и интонации взрослого, последует ли наказание, не перестраивается в

день освобождения: нейтральный вопрос воспринимается как проверка, повышенный голос – как начало нападения.

Возможна и противоположная реакция – оцепенение. Когда нельзя ни убежать, ни сопротивляться, психика приглушает переживания. Поэтому пострадавший иногда рассказывает о страшных событиях ровным голосом, путается в хронологии или смеется от напряжения. Со стороны это выглядит подозрительно: присяжные и журналисты не раз отказывали жертвам в доверии из-за «слишком спокойного» рассказа. Для клинициста же ровный голос – такой же след травмы, как слезы.

Хроническое насилие меняет и отношение к себе. Ребенку легче решить: «Со мной так поступают, потому что я плохой», – чем признать, что опасность исходит от того, от кого зависит его жизнь. Самообвинение дает иллюзию контроля – кажется, наказания можно избежать, если стать достаточно послушным, – и со временем превращается в хронический стыд и чувство неполноценности.

Выросшие в тяжелой изоляции нередко выглядят намного младше своих лет: бедный словарь, отсутствие бытовых навыков, трудности с планированием. Это легко принять за необратимое снижение интеллекта – но отсутствие навыка не значит отсутствия способности. Самый убедительный ответ дают румынские сироты. После падения режима Чаушеску тысячи детей из переполненных государственных приютов были усыновлены европейскими семьями, и психологи наблюдают за ними уже больше тридцати лет. Картина такая: в безопасной среде большинство стремительно наверстывает и рост, и речь, и интеллект, но у тех, кто провел в депривации дольше всего, часть трудностей не уходит и во взрослой жизни. Мозг ребенка пластичнее, чем кажется, просто пластичность не безгранична.

Значит ли это, что все можно наверстать? Бытовое и социальное – во многом да: выучиться, работать, водить машину. С психикой сложнее: комплексная травма не проходит полностью – с ней учатся жить, и обычно это история на всю жизнь. Тело помнит то, что сознание предпочло бы забыть: запах, звук шагов, интонация способны запустить телесный флешбэк – сердцебиение и ужас без видимой причины; возвращаются кошмары; случается диссоциация – человек посреди разговора будто выключается и смотрит на себя со стороны. Терапия смягчает это и делает управляемым, но спасение – не финал истории, а начало самого долгого ее этапа.

Для детей из закрытой семьи первым кругом поддержки часто становятся братья и сестры – единственные, кто видел происходившее и может подтвердить воспоминания друг друга. Общая память противостоит отрицанию: если ребенка годами заставляли сомневаться в собственном восприятии, слова брата или сестры помогают снова доверять себе. После освобождения эта связь работает и практически – от совместного освоения быта до защиты младших. Джордан решила на побег не только ради себя, но и ради сестры, которую оставили прикованной к кровати.

Идеализировать эти отношения не стоит. Родители в таких семьях сталкивают детей, назначают любимчиков и виноватых; после освобождения у братьев и сестер различаются и воспоминания, и способы справляться – один готов говорить публично, другой нет, и обе реакции законны. Но именно надежные отношения, в семье и за ее пределами, помогают преодолеть главное наследие закрытой системы – недоверие к людям и одиночество.

Плен заканчивается не в тот момент, когда открывается дверь. Физическое освобождение можно связать с датой; психологическое возвращение к себе состоит из множества первых шагов: сказать «нет» и не ждать наказания, самому выбрать еду, закрыть дверь по собственному желанию, ошибиться – и обнаружить, что мир не рухнет.

Поэтому правильнее спрашивать не о том, почему дети Тёрпин так долго терпели, а о том, какие условия делали побег почти невозможным – и что должно было произойти, чтобы

одна из них смогла представить себе иной исход. И еще один вопрос: что общество обязано сделать для тех, перед кем наконец открылась дверь?

Травма меняет развитие человека, его отношение к себе и способность доверять другим. Но она не определяет личность и судьбу окончательно. Выжившие – не только люди, с которыми произошло нечто страшное. Это люди, которым впервые предстоит узнать, кем они могут стать за пределами навязанного им мира.

Пролог

Около половины шестого, в холодное воскресное утро, семнадцатилетняя Джордан Тёрпин с тринадцатилетней сестрой Джолиндой вылезли в окно своей спальни на первом этаже. Было еще темно, когда они на цыпочках прокрались через задний двор на Мюир-Вудс-роуд в Перрисе, Калифорния.

Опасаясь за свою жизнь, две перепуганные девочки проскользнули мимо соседских домов и свернули на Президио-лейн. Внезапно Джолинде стало так страшно, что она развернулась, побежала назад и через окно вернулась в спальню. Джордан осталась одна.

С их переезда в Перрис тремя с половиной годами ранее Джордан бывала на улице редко и совсем не знала город. Она и ее двенадцать братьев и сестер всю жизнь прожили пленниками. А тюремщиками были их собственные родители, управлявшие детьми с помощью насилия и пыток.

Их держали впроголодь, позволяли мыться не чаще раза в год, и они месяцами ходили в одной и той же заскорузлой одежде. Официально дети находились на домашнем обучении, но у всех – а их возраст разнился от двух до двадцати девяти лет, – толком не было даже начального образования и базовых представлений о жизни.

Джордан готовила свой побег больше двух лет. Около года назад они узнали, что их отцу, инженеру, по работе придется переехать в Оклахому. К январю 2018 года семья была готова переезжать; бежать надо было сейчас или никогда. К тому же у Джордан наконец-то появилось средство спасения: старый деактивированный мобильный телефон, который дал ей брат. Девушка молилась, чтобы по нему все равно получилось дозвониться до спасательных служб, как ей говорили.

В 5:51 руками, трясущимися от страха, Джордан набрала 911 и вырвалась в окружающий мир.

Расположенный в семидесяти милях к юго-востоку от Лос-Анджелеса, Перрис гордится своей семейственностью: там отличные школы, на улицах безопасно, и для детей имеется масса возможностей. Мюир-Вудс-роуд была элегантной улицей с подстриженными газонами и садовыми гномами; люди там хвастались своим благополучием.

Внешне ничто не говорило, что дом 160 по Мюир-Вудс-роуд отличается от остальных. Когда Дэвид и Луиза Тёрпин с двенадцатью детьми переехали туда в мае 2014 года, это было образцовое жилье в новом квартале Монумент-Парк. Они стали одной из первых семей, переехавших туда.

В следующие четыре года Тёрпины редко выходили, разве что за почтой к общему ящику, и держались сами по себе.

– Никто не знал, что у них двенадцать детей, – говорила Линдсей Галтлин, жившая по соседству. – Я думала, их один или два.

Правда, Дэвид Тёрпин, которому к тому времени исполнилось пятьдесят семь, заметно выделялся из толпы со своими светлыми волосами, подстриженными под горшок, как у капитана Кенгуру¹. Соседи знали, что он работает инженером-авиаконструктором в «Нортроп Грумман» и зарабатывает шестизначные цифры. Сверкающий автопарк из трех машин и микроавтобуса на пятнадцать мест был тому подтверждением.

Однако за закрытыми дверями все выглядело совсем по-другому. Дэвид и его жена Луиза сорока девяти лет превратили свой дом в грязный вонючий карцер, где держали под замком

¹ Капитан Кенгуру – персонаж и ведущий популярного американского детского телешоу Captain Kangaroo (1955–1984), известный своей старомодной стрижкой «под горшок». (Здесь и далее прим. ред.)

собственных детей. Они требовали, чтобы их называли *Мать* и *Отец*, как в библейские времена.

Запертые по четверо в комнате, их истощенные дети часто подвергались побоям и целыми месяцами сидели, прикованные к мебели. В число проступков, за которые полагалось наказание, входило мытье выше ладоней – «возня с водой», – воровство еды, развлечения с игрушками и даже выглядывание сквозь жалюзи.

Они жили в сумеречном мире, спали днем и бодрствовали по ночам. Единственная еда, которую они получали за день, всегда была одной и той же: сэндвич с арахисовым маслом и буррито. Старшая дочь, Дженнифер, которой через полгода исполнялось тридцать лет, весила всего тридцать шесть килограммов.

На Рождество двадцатипятилетний Джошуа получил новый мобильный телефон и отдал сестре Джордан свой старый, деактивированный. Знакомый по интернету сказал ей, что она все равно сможет позвонить 911.

В доказательство ужасов, творившихся в доме, Джордан потихоньку сняла на мобильный двух младших сестер, прикованных к двухъярусной кровати, в их собственных испражнениях. Она также оторвала клочок конверта с их домашним адресом, потому что сама его не знала.

– 911, что у вас случилось? – откликнулась диспетчер Келли Экли.

– Понимаете, – начала Джордан, едва дыша, – я живу в семье из пятнадцати человек, и родители плохо с нами обращаются. Они издеваются над нами, и две мои младшие сестры прямо сейчас прикованы к кроватям. Они приковывают нас, если мы делаем то, чего не должны делать.

Высоким детским голоском Джордан рассказала диспетчеру, что больше не может слышать, как ее младшие сестры ночи напролет плачут от боли, потому что родители так крепко приковали их к кроватям.

– Они просыпаются по ночам и начинают рыдать и просить меня, чтобы я кого-нибудь позвала, – объясняла она. – Я решила позвать вас, чтобы вы помогли моим сестрам.

Пораженная, диспетчер подумала, что звонит маленькая девочка, и спросила ее фамилию.

– Т-ё-р-п-е-н, – сказала Джордан с ошибкой.

На вопрос про домашний адрес Джордан ответила, зачитав цифры с конверта, 925707774: индекс плюс номер дома.

Экли спросила, находится ли она где-то поблизости.

– Да, наверное, – сказала Джордан. – Я никогда не выходила на улицу. Я вообще редко выхожу и ничего не знаю про улицы и все такое.

В следующие двадцать минут Джордан спокойно описала нечеловеческие методы, которые ее родители применяли в воспитании.

– Мне кажется, у отца есть пистолеты, – упомянула она, добавив, что, хотя не видела их, «они про них говорили».

Когда диспетчер спросила, ходят ли дети в школу, Джордан ответила отрицательно.

– Наша мать всем говорит, что мы в частной школе, – объяснила она, – но на самом деле мы нигде не учимся. Я даже первый класс не закончила, а мне семнадцать лет.

Экли спросила, есть ли в доме лекарства. Джордан сказала, что не знает, что такое *лекарства*.

Шокированная услышанным, Экли спросила, где сейчас ее мать, и Джордан ответила, что плохо ее знает.

– Мы ей не нравимся, – сказала она дрожащим голосом. – Она никогда не проводит с нами время, совсем. Я сама о себе забочусь, а мать дает нам еду, но мы никогда не разговариваем.

Она перечислила своих братьев и сестер с указанием возраста и добавила, что тому, о котором «мать правда заботится», сейчас два года.

Дом, говорила она, такой грязный, что иногда, проснувшись, невозможно дышать из-за вони. Хватая ртом воздух, она открывает окно, чтобы отдышаться, но ее могут избить, если застигнут с поличным.

– Мы никогда не моемся, – продолжала Джордан деловито. – Я не знаю, не нужно ли кому-то из нас к врачу.

На вопрос, когда она в последний раз принимала ванну, Джордан не смогла ответить сразу.

– Ну... не знаю, – пробормотала она. – Где-то год назад. Иногда я чувствую себя такой грязной, что мою лицо и волосы в раковине.

Джордан сказала диспетчеру, что ее с другими детьми Мать и Отец держат в доме, как пленников.

– Они не разрешают нам уезжать, – вздохнула она. – Некоторые из нас хотели устроиться на работу, а те сказали, этого никогда не будет.

После звонка Джордан сотрудники департамента шерифа округа Риверсайд помчались к ней и уже на месте встретились с офицерами из департамента полиции Перриса.

Впервые увидев Джордан, они подумали, что ей лет десять. Закаленные полицейские были шокированы тем, как отвратительно от нее пахло, и что вся кожа девушки была покрыта запекшейся грязью. Когда она показала им в телефоне фотографии двух младших сестер в цепях, копы напрямик поехали в дом 160 по Мюир-Вудс-роуд, проводить проверку условий проживания.

Услышав громкий стук в переднюю дверь и увидев полицейские мигалки, Луиза Тёрпин немедленно приказала освободить двоих девочек. Старшая сестра побежала в их спальню, открыла замки на цепях, а сами цепи побросала в шкаф.

Одиннадцатилетняя Джулисса, которая была прикована, позднее сказала детективам, что когда она слышала стук и увидела вспышки света, то поняла: у Джордан получилось, и они скоро станут свободны.

Когда входная дверь наконец открылась, офицеры ворвались внутрь. Хотя вонь там стояла невыносимая, даже она не подготовила копов к ужасам, ожидавшим их в комнатах. На одном из них была мобильная камера, фиксирующая все происходящее.

В одной из спален они нашли Джонатана Тёрпина, все еще в цепях. Пока его освобождали, он вел себя так, будто это в порядке вещей. У двух его младших сестер, с которых только что сняли цепи, на грязной коже остались белые полосы там, где находились оковы.

Другие девять детей теснились в душных спальнях, пропахших испражнениями. Все они были грязные, вонючие и истощенные.

– Там было ужасно грязно, – говорил капитан департамента шерифа округа Риверсайд Грег Феллоуз, – и условия были невыносимые.

От шума на улице проснулась Арасели Олозагасте, жившая от Тёрпинов через дорогу. Она выглянула за занавески и увидела, как копы выводят Дэвида и Луизу Тёрпин из дома в наручники. Дэвид безудержно рыдал; Луиза держалась равнодушно.

– Она только кашляла, – вспоминала Олозагасте, – и как-то странно вела себя, когда полицейский с ней заговорил. Ухмылялась, глядя на него. А потом дважды сплюнула на землю.

Часть первая. Семена зла

Глава 1. Кинг Тёрпин

Согласно семейной легенде, Дэвин Тёрпин начал «испытывать чувства» к Луизе Робинетт, когда ей было десять, а ему семнадцать. Парень двухметрового роста не сводил с застенчивой девочки глаз. Их ухаживание состояло в том, чтобы потихоньку держаться за руки на службах Церкви Бога, ветви Церкви Пятидесятников, в Западной Виргинии, которую посещали семьи обоих.

Два года спустя миниатюрная семиклассница сказала бабушке, что однажды выйдет за Дэвида и у них будет двенадцать детей.

Полувеком ранее дед Дэвида, Пресвятой Кинг Тёрпин младший, тоже влюбился в шестнадцатилетнюю девочку почти вдвое его моложе. Спустя два месяца после того как Нелли, заботливая мать восьмерых его детей, скончалась, рожая близнецов, Тёрпин женился на их няньке, Берте Ли Чёрч.

На следующий день после Рождества 1932 года обаятельный священник-пятидесятник заключил сделку с ее отцом: он получит Берту в обмен на свой роскошный «Студебеккер Биг Сикс».

– Отец обменял меня на машину, – вспоминала она много лет спустя. – Кинг сказал, что если бы не отдал ее отцу, не получил бы меня.

За следующие восемнадцать лет Берта родила ему еще одиннадцать детей – всего девятнадцать, – но пятеро умерли в младенчестве.

Хоть и хрупкий с виду, Пресвятой Кинг Тёрпин младший был настоящей иконой в семье Тёрпинов. Старший брат Дэвида, Пресвятой Дж. Рэндольф «Рэнди» Тёрпин, семейный специалист по генеалогии, в 2010-м написал и опубликовал за свой счет биографию деда: «*Человек по имени Кинг*», обыгрывая слово king – «царь». Она должна была стать источником вдохновения для будущих поколений Тёрпинов.

Родившийся в 1903 году в Чаттануге, Теннесси, маленький Кинг, как его называли, рос в нищете в семье, где к детям запросто применяли насилие. Его отец, Кинг Тёрпин старший, отличался пристрастием к суровой дисциплине и вспыльчивым нравом. Он гонялся за сыном-хулиганом и его младшей сестрой Минни по всему дому, размахивая раскаленной добела кочергой, или швырялся в них камнями. А когда ловил, задавал жестокую трепку.

Однажды он отобрал у них единственную обувь, заставив в качестве наказания пешком идти по изрезанной сельской местности. По воскресеньям он выдавал ботинки обратно, чтобы дети сходили в церковь и соседи не болтали. Но как только они возвращались домой, он снова конфисковывал обувь на всю неделю, говоря, что вернет ее, когда они научатся себя вести.

Кинг Тёрпин старший часто на несколько недель оставлял детей дома одних, пока сам объезжал Теннесси в поисках подработок, чтобы прокормить семью.

– Мы жили сами по себе, – вспоминала Минни много лет спустя. – Как-то выкручивались... Жилось нам трудно.

После одной особенно суровой порки маленький Кинг и Минни сбежали от отца. Друзья семьи взяли их к себе, а потом позвали Кинга старшего, чтобы он их забрал.

В 1915-м, когда маленькому Кингу было двенадцать, вмешались власти штата: Служба защиты детства, тогда только зарождавшаяся, узнала, что детьми Тёрпины серьезно пренебрегают, и поместила их в разные приюты в Чаттануге. Маленького Кинга вскоре передали под опеку дяди, но Минни повезло меньше. Она провела в приюте два года, прежде чем попала под опеку другого члена семьи, забеременев в тринадцать лет.

В восемнадцать Кинг Тёрпин младший переехал в Ноксвилл, Теннесси, где устроился на работу на бумажном комбинате. В августе 1921 года он женился на Нелли Григгз, которая вскоре родила ему дочь, Агнес. Кинг младший перевез семью в Линч, Кентукки, и стал шахтером. Довольно скоро маленькая Агнес умерла, случайно наглотавшись карбида, которым отец заряжал лампу на шахтерском шлеме.

Семейное предание гласит, что Кинг Тёрпин младший чудесным образом перешел в веру пятидесятников на молитвенном собрании в Линче, Кентукки. Внезапно он услышал голос с небес, кричавший ему: «Он спускается! Он спускается! Он спускается!»

«В этот момент, – писал его внук Рэнди, – сила Духа Святого спустилась к нему с небес и прошла с макушки до пят, так что он начал говорить на разных языках».

После этого озарения Кинг младший стал проповедником и начал ходить по угольным шахтам с банджо в сопровождении Нелли и распространять пятидесятническое Евангелие.

У них родилось еще двое детей, Джеймс Джексон и Роберт, один за другим. В 1927 году Нелли родила Кингу четвертого ребенка, Уилли, который через год умер от гастроэнтерита. На свидетельстве о смерти ребенка доктор сделал отметку: «Семья не давала никаких лекарств; они верят в божественное исцеление».

Кинг младший перевез свою растущую семью в Аризону, где стал священником Церкви Бога, радикальной пятидесятнической секты, которая верит в то, что Библия – непосредственное Слово Божье. Основанная в 1886-м Церковь Бога проповедует веру в крещение Святым Духом, которое проявляется в способности говорить на разных языках. Кинг младший часто говорил на иностранных языках во время своих проповедей, когда Святой Дух сходил на него.

«Дар говорить на разных языках и понимать их часто проявлялся у него», – писал Рэнди, епископ Церкви Бога.

В своей книге Рэнди вспоминает одну из служб, на которой его дед переходил с одного иностранного языка на другой, и понимал их все. Тогда встал один из прихожан, владевший иностранными языками, и объявил, что Пресвятой Тёрпин говорил на идеальном испанском и греческом – при том, что не знал ни того, ни другого.

В 1932 году Пресвятой Кинг Тёрпин младший перевез свою растущую семью за две тысячи миль на восток, в Рок-Хаус-Маунтин на юге Западной Виргинии. Вскоре после переезда Нелли умерла при родах, и Тёрпин немедленно женился на шестнадцатилетней Берте Ли Чёрч.

Через тринадцать месяцев она родила ему сына, Джеймса Джима Рэндольфа Тёрпина – отца Дэвида и Рэнди.

В следующие несколько лет Кинг младший перевозил семью с места на место по Западной Виргинии, проповедуя в различных пятидесятнических церквях и работая на угольных шахтах. Он устроил церковь и в собственном доме в Макдауэлле, Западная Виргиния, куда приглашал всех соседей на ежедневные молитвенные собрания.

«Все вставали на колени, чтобы помолиться, – писал Рэнди в его биографии. – Часто во время этих собраний Кинг и Берта заговаривали на разных языках, толковали и пророчествовали... Проявления Божьего всемогущества были частью их повседневной жизни».

Джим Тёрпин вырос в строгой пятидесятнической вере, которой придерживается по сей день.

– Сколько себя помню, – говорит он, – я всегда любил Иисуса.

Все свое детство Джим посещал собрания, которые проводили родители. В двадцать лет он стал свидетелем того, как отец говорил на разных языках. За этим последовало толкование, обращенное непосредственно к Джиму: «Скоро ты увидишь явление Божьего могущества».

Вскоре после этого по соседству один из проповедников Церкви Бога проводил серию «палаточных возрождений» – собраний, проходившие в специальных палатках для духовного обновления, исцеления и возрождения. Кинг и Берта привели на одну из служб Джима.

«Алтарь позвал, – писал его сын Рэнди, – и Джим вышел к нему. Он почувствовал, как на него снисходит Святой Дух. В тот момент он понял, что спасен. Кинг и Берта молились, чтобы все их дети были спасены».

В июне 1955 года Джим женился на семнадцатилетней Бетти Джин Роуз и поселился с ней в скромном домике на Нью-Хоуп-роуд в Принстоне, Западная Виргиния. Расположенный в сельской глубинке среди Аппалачей, этот городок с населением всего 6400 человек считался «жемчужиной Юга». В конце XIX века угольные шахты и недавно построенные железные дороги соединились там, образовав процветающую новую отрасль промышленности и обогатив Принстон.

– Принстон построен на угольных шахтах и железных дорогах, проходящих через него, – объяснял репортер *«Блюфилд Дейли Телеграф»* Грег Джордан. – Это место, где по-настоящему зародилась угледобыча в США.

В мае 1958-го у Джима и Бетти Джин родился мальчик, которого окрестили Джеймсом Рэндольфом, а дома стали звать Рэнди. Три года спустя, 17 октября 1961-го, Господь благословил их вторым и последним ребенком, Дэвидом Алленом.

Каждое лето Дэвид и Рэнди навещали бабушку и дедушку в Огайо, где те теперь жили. Пресвятой Кинг Тёрпин младший сыграл важную роль в детстве Дэвида и Рэнди, внушив им любовь к церкви пятидесятников и ее учению.

– Кинг не просто играл с нами, – вспоминал Рэнди. – Он не жалел времени, чтобы принести духовные сокровища в нашу жизнь. Временами... его глаза блестели от слез, лицо начинало светиться, и он заговаривал на разных языках.

В длинные летние вечера стареющий проповедник пел им песни, которые выучил в 1920-х, подыгрывая себе на банджо. Одной из любимых песен Дэвида была «Длинный мальчик».

– Помню, он звал меня Длинным внучком, – рассказывал Дэвид. – У меня очень, очень теплые воспоминания о дедушке.

Как-то летом бабушка с дедом приехали к ним в Принстон: Берте делали операцию по замене тазобедренных суставов в местном госпитале. Во время того долгого визита Кинг младший заучивал с внуками наизусть свои любимые отрывки из Библии, а потом заставлял декламировать их вслух.

Каждое воскресенье семья Тёрпинов посещала принстонскую Церковь Бога на Оливер-авеню, где они тесно подружились с Алленом Уэйном Робинеттом, его женой Филлис и тремя дочерьми: Луизой, Элизабет и Терезой.

– Мы были большой церковной семьей, – говорит Тереза. – Мой отец был проповедником, и семья Дэвида росла с нашей семьей... так что Луиза и Дэвид знали друг друга всю свою жизнь.

Глава 2. «Он просто ужасный»

Семья Луизы Робинетт жила в Принстоне, Западная Виргиния, больше ста лет. Ее дед по материнской линии, Джон Томас Тейлор, был ветераном Второй мировой войны со множеством наград; он служил в Европе и Африке. Первокласный стрелок армии США из Третьего стрелкового подразделения, он получил Серебряную звезду, пять Бронзовых звезд, Пурпурное сердце и медаль «За героизм».

В декабре 1945 года он вернулся в Принстон двадцатидесятилетним красавцем, героем войны. Он устроился работать в угольную шахту, но со своими амбициями не собирался долго там задерживаться. Тейлор был прихожанином Церкви Бога и служил капелланом на военных похоронах. В церкви он познакомился и вскоре женился на Мэри Луис Хармон, дочери священника-пятидесятника. У них родилось четверо детей: Юджин, Гленн, Филлис и Джеймс.

Однако за широкой белозубой улыбкой Джона Тейлора таились ненасытные амбиции. Опираясь на свою геройскую репутацию, он вскоре стал влиятельным игроком на принстонской политической арене и лоббистом Американского Легиона. И сделал состояние, помогая девелоперам свернуть недавно учрежденную программу срочного предоставления жилья ветеранам.

В 1945 году США столкнулись с серьезным жилищным кризисом из-за резкого сокращения количества строящегося жилья. Больше всего от него пострадали ветераны, вернувшиеся с войны, так как не могли купить себе новые дома.

Чтобы решить проблему, президент Гарри Трумен назначил Уилсона У. Уайетта, бывшего мэра Луисвилла, Кентукки, на вновь созданный государственный пост советника по жилищным вопросам. Целью было обеспечить граждан доступным жильем, и Уайетт планировал в первую очередь предоставлять жилье ветеранам, чтобы те могли снова встать на ноги.

– Нельзя встречать наших ветеранов с неготовой программой по расселению, – объяснял Уайетт. – Пока что они испытывают только растерянность и разочарование, оставаясь бездомными.

Однако его плану яростно сопротивлялась индустрия недвижимости, лишавшаяся значительной доли прибылей. В округе Мерсер Джон Тейлор сражался когтями и зубами, поскольку теперь был на стороне девелоперов-магнатов.

В конце января 1949 года он попал в заголовки *«Блюффилд Дейли Телеграф»*, когда силой выгнал представителя ветеранов с собрания Американского Легиона в отеле «Статлер» в Блюффилде.

«Все ветеранские организации должны быть заинтересованы в предоставлении жилья, – гласила статья. – Однако позиция Американского Легиона оказалась обратной, что вчера доказал лоббист Легиона Джон Томас Тейлор, выгнав представителя ветеранов по вопросам расселения с собрания».

Во время собрания Тейлор пришел в ярость, когда представитель ветеранов попытался заговорить о новой федеральной жилищной программе.

«Джон Томас Тейлор тыкал в него пальцем и брызгал слюной, – продолжала статья. – “Выгоните его”, – кричал он».

Другой член Легиона попытался его утихомирить.

– Мне плевать, – кричал он. – Я веду это собрание, и я хочу, чтобы он убрался отсюда.

Представитель ветеранов был вынужден уйти, и собрание продолжилось за закрытыми дверями, но в присутствии влиятельных лоббистов, включая вице-президента Национальной Ассоциации Застройщиков.

«Легион давно обвиняли в нечестной игре, когда дело касается недвижимости, – продолжал автор статьи, – в том числе в саботаже долгосрочной жилищной программы Уилсона Уайетта».

Несколько месяцев спустя мощное лобби добилось отмены контроля за ценообразованием в недвижимости, а Уилсон Уайетт ушел в отставку.

В следующие несколько лет Джон Тейлор строил дома и автомобильные парковки по всему Принстону. Он открыл первую заправку «Шелл» в округе Мерсер, имевшую большой успех.

– Он был очень богат, – говорит его внучка Элизабет Робинетт Флорес. – Он построил, буквально своими руками, собственный дом и заправку «Шелл».

Заправка на Атенс-роуд стала местной достопримечательностью, потому что заправиться в городе можно было только там. Тейлор гордился тем, что лично обслуживает покупателей.

– Это был процветающий бизнес, – вспоминает Лоис Миллер, которая маленькой девочкой ездила туда заправляться с матерью и теткой. – Когда ты подъезжал, Джон Тейлор протирали тебе ветровое стекло и проверял уровень масла, пока заправлялся бак. И я помню, что бензин тогда стоил девяносто центов за галлон.

Однако всем было известно про похотливость Тейлора.

– Он был просто ужасный, – вспоминает Миллер, ныне руководящая Историческим обществом округа Мерсер, – и играл с твоей рукой, когда ты протягивала ему деньги. Потирал ее и смотрел на тебя косо, когда ты пыталась забрать руку.

Каждый раз, когда они ездили на заправку «Шелл», мать Миллер старалась не опускать окно и просила дочь передать Тейлору деньги за бензин.

– То же самое происходило с моей теткой, когда она приезжала заправляться, – говорит Миллер, – но другого выхода не было, потому что не было других заправок.

Несколько лет спустя подруга Лори устроилась на лето работать к Тейлору на «Шелл».

– Она рассказывала, что он растлил ее, пока она там подрабатывала, – говорит Миллер. – Она сказала: «Я даже думать о нем не хочу. Он просто жуткий!».

В понедельник, 3 января 1966 года, Джозеф Максфилд заливал бензин в подземную цистерну на заправке «Шелл» и вдруг вспыхнул, превратившись в огненный шар. Тридцативосьмилетний водитель бензовоза получил ожоги первой, второй и третьей степени на восемьдесят пять процентов поверхности тела. В критическом состоянии его доставили в Мемориальный госпиталь Принстона.

История попала на первую полосу *«Блюфилд Дейли Телеграф»*, и Джон Тейлор, которому было тогда сорок два года, сообщил репортеру, что водитель заливал бензин в цистерну около двадцати минут, после чего решил сделать перерыв, вероятно, чтобы выкурить сигарету.

«Тейлор сообщил, что огонь взвился на десять или пятнадцать метров вверх из открытого люка, ведущего в подземную цистерну, – говорилось в статье. – Он не мог объяснить причину пожара, но предположил, что воспламенились пары вокруг бензовоза».

Тейлор утверждал, что ни он, ни его служащие не курят, а вот водитель – да.

Несколько дней спустя Джозеф Максфилд, который был женат и имел четверых детей, скончался в Мемориальном госпитале Принстона от ожогов.

Для внешнего мира Джон Тейлор был почтенным прихожанином и столпом принстонского сообщества. Но за закрытыми дверями он растлевал собственную дочь, Филлис. Это была мрачная семейная тайна, остававшаяся скрытой следующие семьдесят пять лет.

Все свое детство Филлис Тейлор подвергалась сексуальному насилию со стороны отца и никому не могла пожаловаться. Ее мать понятия не имела о происходящем. Девочка чувствовала себя как в плену в родительском доме и отчаянно искала путь на свободу.

В семнадцать лет Филлис начала встречаться с Алленом «Уэйном» Робинеттом, худощавым девятнадцатилетним юношей, недавно закончившим старшую школу Принстона. Прилежный ученик с математическими способностями, Робинетт вырос в трейлерном парке в Грин Вэлли и работал проповедником. Он коротко стриг волосы и носил модные очки в роговой оправе. Роман был головокружительным. Стоило Аллену сделать предложение, как Филлис не задумываясь его приняла.

20 июля 1967 года юная чета подала заявление на заключение брака в ратушу округа Мерсер. Через девять дней они поженились на традиционной церемонии с обменом кольцами в принстонской Церкви Бога, которую регулярно посещали и где Аллен время от времени проповедовал.

Джон Тейлор с гордым видом провожал дочь к алтарю. Очаровательная темноволосая невеста была в белом шелковом платье в пол с кружевами на корсаже и шлейфе. К цветочному венку на волосах крепилась длинная фата, в руках Филлис держала букет ромашек. На женихе был элегантный белый костюм и полосатый галстук с бутоньеркой из белой розы.

После церемонии гостей пригласили в дом Тейлоров на банкет с трехэтажным свадебным тортом, украшенным фигурками молодоженов – символом будущей удачи. Репортаж о брачной церемонии единственной дочери местного богача занял всю полосу светских новостей в *«Блюфилд Дейли Телеграф»*.

Ровно девять месяцев спустя, 24 мая 1968 года, у Филлис и Аллена родилась дочь, которую назвали Луиза Энн, в честь бабушки. Малышку, похожую на херувима, крестили в Церкви Бога.

Глава 3. Лучший ученик

В 1974 году тринадцатилетний Дэвид Тёрпин поступил в среднюю школу Гленвуд в паре миль от дома. Майк Гилберт был с ним в одном классе и следующие пять лет они дружили.

– Наша школа была небольшой, – говорит Гилберт, – поэтому, конечно, мы все друг друга знали. Дэвид был очень умный, но немного тихий и держался особняком. Он был отличником и всю школу учился идеально.

Даже подростком Дэвид выделялся среди других мальчиков. Почти двухметрового роста, он возвышался над остальными учениками и всегда одевался очень консервативно.

– Он коротко стриг волосы и большую часть школы носил строгую одежду, – вспоминает Гилберт. – Временами мог даже прийти в бабочке. А мы ведь говорим о 1970-х, когда все ходили длинноволосые и в клешах. Дэвид был не такой.

Двое девятиклассников подружились благодаря шахматам, которыми Дэвид увлекался. Он научил Гилберта играть на уроке физкультуры, пока учитель не смотрел.

По словам Гилберта, «он хорошо умел играть и побил меня за три хода. Но он кое-чему меня научил, и с тех пор побить меня за три хода больше никому не удавалось».

27 ноября 1977 года Преподобный Кинг Тёрпин младший скончался в госпитале во Фримонте, Огайо, в возрасте семидесяти четырех лет. Он пролежал там несколько недель в тяжелом состоянии – сказались годы работы в шахтах.

– К телу дедушки Тёрпина шли трубки, – писал Рэнди, навещавший его за несколько дней до смерти, – включая кислородные, к носу. Дедушка боролся за каждый вздох.

Позднее Дэвид отдал должное деду в биографии, написанной его братом: «В основном, я помню его улыбающимся, сыплющим шутками, смешливым... С ним так здорово было находиться рядом! Все мы очень много потеряли с его смертью».

В 1976 году Дэвид последовал за Рэнди в старшую школу Принстона, где они с Майком Гилбертом постепенно разошлись в разные стороны.

– У него подобралась своя группа друзей, – говорит Гилберт. – Когда мы перешли в старшую школу, он немного расслабился и даже начал носить джинсы.

В школьных альбомах Принстон-Хай сохранилось немало фотографий, посвященных достижениям Дэвида в разных клубах за те годы. На групповом снимке с пикника Библейского клуба осенью 1976-го пятнадцатилетний Дэвид позирует с недавно отрезанной челкой, под принца Вэлиента, с хитрой улыбкой глядя в камеру.

К следующему году Дэвид стал казначеем клуба и на годовой фотографии его членов сидел в центре первого ряда. Подпись под снимком гласит: «Целью библейского клуба является поддержание христианского братства во время и после учебы в школе. С братством приходит и радость, которую члены клуба разделяют между собой».

Среди обязанностей библейского клуба было участие в благотворительных сборах для Армии Спасения, устройство ужина для малообеспеченных семей на День Благодарения и организация рождественской вечеринки.

Репортер «*Блюфилд Телеграф*» Грег Джордан, освещавший события в Принстоне и окрестностях более двадцати лет, говорит, что изучение Библии играло важную роль в школах округа Мерсер.

– Говорили, что здесь нельзя бросить камень, не попав в церковь, – объясняет он. – Это очень религиозное сообщество, и в местных школах Библию изучают наравне с литературой.

Дэвид также регулярно получал школьные награды как лучший ученик и со-капитан шахматной команды Принстон-Хай из пяти человек, соревновавшейся против других школ по всей Западной Виргинии.

– Он был немного странный и очень погруженный в учебу, – вспоминает Дэвид Даунард, тоже член команды. – Вел себя тихо и всегда так загадочно улыбался, и стоял, держа руки за спиной.

Другой член шахматной команды, Тони Венери, до сих пор рассказывает о происшествии по дороге назад в Принстон после турнира.

– Один из членов клуба, Филип Райт, вел машину слишком быстро, – говорит жена Тони, Бекки, которая слышала эту историю множество раз. – И Дэвид, обычно тихий и уступчивый, очень разволновался и испугался: «О, Филип! Не гони! Ты всех нас убьешь!».

К последнему классу Дэвид Тёрпин решил, что хочет стать инженером, и был активным членом научного клуба Принстон-Хай.

Отличник, он завоевал первое место на ежегодной научной ярмарке округа Мерсер и вступил в престижную Молодежную Академию Наук Западной Виргинии. Он также был большим поклонником телесериала «*Стар Трек*» и ассоциировал себя со Споком – очевидно, отсюда и его необычная стрижка.

– Дэвид с друзьями были фанатами «*Стар Трека*», – говорит Гилберт, – и часто шутили на эту тему.

В школьном альбоме Принстон-Хай за 1979 год осталась забавная фотография со-капитана шахматной команды – там он вылитый персонаж Леонарда Нимоя, – очарованно глядящего на спортивный кроссовок.

«Дэвид Тёрпин сдается на милость “Адидаса”», – гласит юмористическая подпись.

Ему также нравились машины, которые станут основной страстью Тёрпина на долгие годы. Его отец, Джим, помог Дэвиду усовершенствовать старенькую «Хонду Сивик», на которой тот ездил.

– Они с отцом раздобыли пару старинных клаксонов с воздушным компрессором, – вспоминает Гилберт, – как будто его крошечная «Хонда Сивик» была фурой или трейлером. Он подъезжал к тебе со спины, гудел в клаксоны и пугал тебя, потому что машина-то была маленькая. Ему нравилось гудеть, и он хохотал, пугая знакомых.

Каждый субботний вечер Дэвид раскатывал на своей «Хонде» по Принстону, одетый в строгие брюки и рубашку с бабочкой.

– В те дни все катались на машинах, – говорит Гилберт. – Вечером субботы было принято развлекаться, раскатывая по городу. Дэвид тоже постоянно катался и гудел в свои клаксоны.

Мэри Хопкинс, ныне на пенсии, учила обоих братьев Тёрпин алгебре в старшей школе Принстона. Она вспоминает, что Дэвид был образцовым учеником.

– У него было чувство юмора, – говорит она. – Он улыбался и говорил забавные вещи, и у него блестели глаза. Но насчет учебы он был очень серьезным и отлично справлялся.

Тим Снид, учившийся с Дэвидом в одном классе на испанском и биологии, говорит, что у Дэвида никогда не было девушки, и он не принимал участия в развлечениях класса.

– Он мало с кем общался, – говорит Снид. – Казался ботаником, был очень умный.

Дэвид закончил Принстон-Хай в 1979 году, со средней оценкой в 95,6 балла. Он получил полную стипендию на изучение электроинженерии в Технологическом Институте Виргинии.

На выпускную церемонию Дэвид пришел в мантии и шапочке и получил награду «Двадцатка лучших студентов». В выпускном альбоме под его фотографией было написано: «В каждой школе обязательно есть группа учеников, известных как “мозги”. Это те, кто каждый вечер делает домашнюю работу... и всегда таскает за собой огромную стопку книг. Потому-то они и оказываются в двадцатке».

На выпускном снимке улыбающийся Дэвид Тёрпин одет в элегантный бежевый костюм и броский полосатый галстук; стрижка у него по-прежнему как у мистера Спока. Под фотографией перечислены группы, в которых он участвовал, и карьерные ожидания. Кроме поста со-капитана шахматной команды, казначея библейского клуба и члена научного клуба, он состоял

в клубе испанского языка и пел в школьном хоре. Его целью на будущее было «сделать карьеру в электроинженерии и изобрести лампочку».

Своим девизом по жизни он считал «Никогда не делай сегодня то, что можешь отложить на завтра».

Примерно в то же время Дэвид увлекся десятилетней Луизой Робинетт. Родители Дэвида и Луизы тесно дружили уже много лет; Дэвид держал Луизу на руках, когда она была еще младенцем. Жизни обеих семей вращались вокруг принстонской Церкви Бога. Брат Дэвида, Рэнди, был там священником, а их мать, Бетти Джин, преподавала в воскресной школе. Луиза Робинетт была одной из ее учениц.

После свадьбы в 1967 году Аллен и Филлис Робинетт переехали в небольшой дом по адресу 102 Би-Рей стрит. Там и росла Луиза – в одной из самых уважаемых семей в Принстоне. Ее дед, Джон Тейлор, успел разбогатеть на своей заправке «Шелл» и многочисленных сделках с недвижимостью. Ее дяди, Юджин и Гленн Тейлоры, тоже преуспевали: Юджин владел трейлерным парком Клиарвью, а Гленн был востребованным каменщиком.

В 1974-м в семье Луизы случилась трагедия: ее младший брат Джеймс серьезно пострадал в аварии на мотоцикле. Он ехал в соседнюю школу Атенс-Хай на свидание со своей девушкой, Шерон, когда его мотоцикл слетел с дороги.

– Джеймсу отрезали ногу до колена, – говорит Лоис Миллер, одноклассница Шерон. – Шерон не надо было встречаться с ним. Я всегда считала, что он слишком лихой.

В 1978 году Луиза отпраздновала свой десятый день рождения; Аллен Робинетт снял видео, на котором его дочь в своей комнате открывает подарки. С длинными темными волосами, заплетенными в косу, в белой блузке с оборками и воротником-стойкой девочка выглядит так, будто у нее в жизни нет никаких забот.

В тот день для нее устроили праздник с большим тортом, и ее дед, которого в семье любовно называли Папуля, снялся с Луизой и ее полуторагодовой сестрой Элизабет Джейн.

Однако на самом деле жизнь семьи Робинетт была отнюдь не идеальной. После собственного детства, проведенного в насилии, Филлис Робинетт проявляла мало интереса к роли матери, предоставляя Луизе самой заботиться о своей рыжеволосой маленькой сестричке.

Дом Робинеттов был полем боя, где Филлис с Алленом постоянно ругались. В самых ранних воспоминаниях Элизабет Луиза пытается оградить ее от родительских скандалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.